

КОНЦЕПЦИИ СОВРЕМЕННОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКИ

О ТРАНСГРЕССИВНОМ ПОДХОДЕ К РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКЕ*

Гребенкин А.В.

*В статье в порядке постановки раскрывается гипотеза формирования современной региональной промышленной политики на основе подхода, реализуемого ныне в практике корпоративных слияний и поглощений. Новый подход назван **трансгрессивным**, – это понятие заимствовано из биологии, его адекватность, необходимость и потенциальные возможности для описания и прогнозирования экономических трансакций показаны с учетом требований глобальных вызовов и соответствующих матриц институционального поведения. Идеи автора могут рассматриваться как приглашение к развертыванию исследовательской программы изучения возможностей промышленной политики и пространственного проектирования сетевых регионов на основе развития производственных кластеров, претендующих на участие в глобальных рынках.*

Как пишут В. Княгинин и П. Щедровицкий [7], в Европе в конце XX века сформировалась концепция промышленной политики как политики по созданию конкурентной среды деятельности предприятий. Главным стал считаться переход от отраслевой промышленной политики к политике стимулирования конкурентоспособности. Однако в отличие от развитых стран в России сохранились конкурирующие "поля тяготения" в выборе доминирующего варианта промполитики: 1) старая (при социализме еще сформированная) система размещения промышленности и в целом пространственного устройства, защиту своих интересов усматривающая в вольном или невольном столкновении страны в тепличные условия государственного протекционизма и экономического изоляционизма; 2) крупные интегрированные сырьевой направленности бизнес-группы, успешно адаптировавшиеся к условиям открытого рынка, но по сути своей производственной деятельности закрепляющие за страной статус сырьевого придатка, успешно функционирующие лишь при благоприятных ценовых условиях на углеводороды и металлы; промполитика, основанная на поддержке таких бизнес-групп во второй половине XX века получила в других странах название политики поддержки "национальных чемпионов"; 3) адаптировавшийся к глобальному рынку сектор, успешно осваивающий инновации, добывающийся конкурентных преимуществ за счет интеллектуального капитала. Именно этот сектор авторы рассматривают как ядро современной промполитики – политики по собиранию ресурсов для современной, т.е. адаптированной к глобальному рынку, экономики на территории страны [7, с. 51]. При этом в качестве главной задачи национальной промышленной политики декларируется задача выращивания из протокластеров полноценных производственных кластеров и развертывание на этой базе *новой сетевой пространственной организации страны.*

---

* Статья подготовлена в рамках и при финансовой поддержке Интеграционного проекта "Межрегиональная экономическая интеграция – стратегический ресурс устойчивого экономического роста", выполняемого в содружестве с учеными СО и ДВО РАН, и Программы фундаментальных исследований Президиума РАН № 22 "Прогноз технологического развития экономики России с учетом новых интеграционных проектов" (координатор – акад. РАН Некипелов А.Д.)

Отметим, что в цитируемой работе отмечена необходимость государственного контроля над интеграционными процессами в виде слияний и поглощений: с одной стороны, этот процесс ведет к укреплению рыночных позиций, выстраиванию бизнес-структур, соразмерных глобальным рынкам [7, с. 70], с другой стороны, отсутствие контроля может привести к утрате производственного потенциала страны. Эта угроза весьма существенна, так как, по мнению авторов, промышленность России, ранее собранная в единые технологические комплексы, по пути в глобальный рынок распалась на отдельные звенья в виде предприятий, решающих локальные задачи, не сопоставимые с уровнем задач, которые необходимо решать на глобальных рынках. Расщепление внутри отраслей и территориально-производственных комплексов "столь сильное, что это ставит вопрос о принципиальной возможности сохранения отраслевого и территориального управления индустрией" [7, с. 68]. Что же взамен? Для этого надо рассмотреть этапы интеграции промышленных предприятий в глобальный рынок: 1) расширение рынков и преодоление разрыва между сферой торговли (т.е. глобальным рынком) и локальными стратегиями предприятий, чаще всего порождаемыми внутренней конкуренцией; 2) завоевание конкурентных позиций. Речь идет о преодолении фундаментального разрыва между глобальными масштабами рынка, на который уже попали российские предприятия, и "хилым" масштабом стратегий, которые они пытаются реализовать на внутреннем рынке. Этот разрыв гораздо успешнее будет преодолен, если в качестве опоры новой промполитики будет выступать (и это подтверждает мировой опыт) *глобализированный регион*. Княгинин и Щедровицкий прямо называют *экономическую активность регионов* "интегратором" промышленной политики страны [7, с. 116]. И, наконец, делают вывод о необходимости капитализации территорий путем преобразования всех существенных факторов в *активы*, оцениваемые в качестве *капитала*. "Чтобы завоевать более конкурентоспособные позиции в глобальном мире, России нужна новая промышленная и общеэкономическая политика, собирающая страну заново из специальным образом организованных регионов"[7, с. 118]. То есть речь идет о новой модели пространственной организации бизнеса – сетевой. Доминирующая ныне в России модель интегрированных регионов связана с эпохой индустриализации, для которой характерны система градообразующих предприятий (заводской социализм), монопрофильная экономика и отчуждение массового производства от центров инноваций. "Никакой особой конкурентоспособностью, отличной от конкурентоспособности доминирующего производственно-технологического комплекса, интегрированные регионы не обладают. Они мало за что могут поспорить с другими территориями в глобальной экономике: инвестиции приходят не в регион, а в являющуюся его центром корпорацию; кадры стягивает на себя не регион, а корпорация; финансы и инновации обращаются чаще всего за пределами данного региона..." [7, с. 130]. Столь обширное цитирование объяснимо: авторы сумели в сжатом виде отразить существенные черты интегрированного региона.

В отличие от интегрированного типа пространственной организации сетевая (как проекция производственных сетей на территорию) организация основывается на других принципах: "экономическая мощь региона определяется не объемами производства, а мобилизационным ресурсом всей сети... Вместо жесткой специализации в виде монопрофильности... – гибкая специализация, способность к инновациям... Собранные вместе предприятия, входящие в сеть кооперации и взаимодействия (пусть и основанного на взаимной конкуренции), образуют *производственный кластер*" [7, с. 133]. Напомним, как М. Портер определяет кластер: это "географически ограниченная группа компаний, по-

ставщиков, провайдеров услуг и ассоциированных институтов соответствующей сферы, связанных взаимоотношениями различных типов" [9, с. 109]. Считается, что "высокая конкурентоспособность территории держится именно на сильных позициях отдельных кластеров, тогда как вне их даже самая развитая экономика может давать посредственные результаты. В современной экономике давно уже конкурируют не отдельные предприятия и отрасли, а кластеры. В России вместо полноценных кластеров и образованных из них сетевых регионов, обеспечивающих устойчивое развитие экономики и сильные конкурентные позиции на глобальных рынках, существуют лишь "протокластеры и недооформленные сетевые регионы... Это явно тормозит инновационное развитие российской промышленности и ослабляет ее конкурентоспособность" [7, с. 135].

При решении инновационных задач промполитики ставка должна быть сделана "на *поляризованное развитие* – выделение... в пространстве страны "*опорных регионов*" – наиболее динамичных городов или мегаполисов, субъектов Федерации – с вменением им функций национальных "окон-переходников" в глобальный рынок..." [7, с. 150]. Более того, при сетевой пространственной организации на базе кластерной модели промышленной политики возникает "потребность в дополнении макроэкономической и институциональной политики микроэкономическим проектным действием" [7, с. 151].

Из нашего обзора требований к промполитике следует сделать некоторые выводы. Во-первых, современная региональная промышленная политика обречена стать проектной, привязанной к опорным регионам, трансформируемым в сетевые регионы на основе кластерообразования. Во-вторых, необходимо разобраться с видами эффектов создания сетевых регионов, в первую очередь порождаемых образованием кластеров в ходе идущих в корпоративном сообществе циклических процессов, воспринимаемых на поверхности как процессы слияний и поглощений. В-третьих, следует определиться с институциональной стороной региональной промполитики, прежде всего видами дополнительных институтов и новых институциональных моделей, помогающих региону (а не отдельному предприятию) адаптироваться к глобальным рынкам.

Слияния и поглощения в российской экономике достигли в 2006 г. объема 42,28 млрд. долл., что больше уровня 2005 г. на 30% (по количеству сделок на 26%) [12, с. 17]. Потенциал этого рынка – около 100 млрд. долл., а с вступлением в ВТО и участием российских компаний в трансграничных сделках – неизмеримо выше. В корпоративном секторе российской экономики начинается волна интеграции бизнеса, связанной с укрупнением игроков, необходимостью завоевания новых рынков и другими мотивами развития рынка корпоративного контроля, которые ничем не отличаются от мотивов слияний и поглощений, идущих во всем мире.

Следует отметить, что рынок корпоративного контроля достаточно развит во всем мире, он рассматривается и в России наряду с другими рыночными институтами (например, институтом банкротства, фондовым рынком и т.д.) в качестве мощного фактора развития бизнеса и одновременно механизма внешнего контроля, дисциплинирующего бизнес в поиске конкурентных преимуществ, а также ввиду вечной угрозы – враждебного поглощения. Рассматривая интеграционные процессы в корпоративном сообществе, различимые внешне как слияния и поглощения, и не вдаваясь в российскую специфику этих сделок (неоправданно высокая доля враждебных поглощений), следует признать, что ведущими мотивами этих процессов являются получение комплементарного и синергетического эффектов (неосязаемый эффект) и стремление к росту. При этом синергетический эффект рассматривается применительно к той или иной цели. "Синергетический эффект может возникнуть благодаря: 1) операционной

экономии, возникающей в результате возрастающей отдачи от масштаба управления, маркетинга, производства или распределения; 2) финансовой экономии, проявляющейся в более низких транзакционных затратах и лучшей подготовке аналитиками; 3) дифференцированной эффективности, означающей, что управление одной из фирм было неэффективным и после слияния активы фирмы станут более производительными; 4) возросшей рыночной мощи из-за снижения конкуренции" [1, с. 416].

Поглощения, которые прибыльны благодаря приносимым ими улучшениям в работе фирмы после слияния и для которых мотивом служит последующее повышение рыночной оценки активов, Ф. Хэй и Д. Моррис называют аллокативными [14, с. 378]. Аллокативные поглощения в других классификациях названы операционными, стратегическими, направленными на действительный поиск и рост синергии благодаря взаимному наложению возможностей двух компаний, не реализуемых по отдельности. Это и есть реальное слияние, требующее специальных процедур интеграции материальных и нематериальных активов.

Прикладные исследования, проведенные в условиях развитого рынка корпоративного контроля, на которые ссылаются Н. Рудык и Е. Семенкова [10, с. 47], показали, что ведущее место среди мотивов слияний (по некоторым оценкам, свыше 75%) занимает синергетическая теория. То есть в науке и практике управления изменениями в корпоративном сообществе в форме слияний и поглощений сложилось устойчивое мнение о синергетической природе этих процессов.

Даже накопившие большой опыт в этой сфере зарубежные консультанты отмечают, что "слияния и поглощения представляют собой одну из самых сложных и рискованных форм менеджмента изменений. И особенно удивителен тот факт, что многие менеджеры, непосредственно отвечающие за проведение слияний и поглощений, не усматривают между ними никакой связи" [2, с. 56]. Ответ, по нашему мнению, кроется в исходных представлениях организационно-экономических исследований об уровнях экономики: макро-, микро-, миниэкономика (несколько упрощенно), где предприятие (уровень миниэкономики) рассматривается в гордом одиночестве, озабоченное эффективным использованием и развитием собственных ресурсов. Но, как справедливо отмечает Дж. Ходжсон, главенствующее сегодня бихевиористское направление в экономике "не в состоянии осмыслить непредусмотренные последствия, возникающие из-за того, что действия одних агентов создают препятствия для других". И далее: "первостепенная задача социальных наук состоит не в том, чтобы объяснять индивидуальное поведение, а в интерпретации как запланированных, так и непредусмотренных результатов действий многих агентов. Экономисты разных школ единодушны в том, что взаимодействие нескольких индивидов может иметь последствия, которых ни один из них не хотел" [13, с. 408]. Парадигма исследования в теории организационных изменений тоже должна быть трансформирована: в акте слияния/поглощения участвуют 2 агента, следовательно, необходим переход к двузначной логике, в пространстве которой существуют поглощающая и поглощаемая компании, логике отношений, в которой на первое место выходит *диадный* подход, рождающий новые свойства (или усиливающий благоприятные признаки у интегрирующихся структур).

Зарубежные исследователи выделяют как минимум два вида портфельных эффектов: комплементарный и синергетический. При этом отличие эффектов связывается с типом активов: "комплементарный эффект возникает при использовании материальных активов, синергетический – невидимых" [5, с. 73]. Комплементарный эффект связан с более

полным использованием мощностей, синергизм предполагает создание нового качества как мультипликативного результата комбинирования неосязаемых факторов.

На наш взгляд, последствия интеграционных процедур могут иметь, кроме комплементарного и синергетического свойств, еще и особый вид, миллионы лет воспроизводимый в живой природе, – эффект трансгрессии. В БСЭ генетический термин *трансгрессия* расшифровывается как усиленное (или ослабленное) проявление какого-либо генетического признака у потомства по сравнению с родительскими особями. "Т. наблюдается в тех случаях, когда количественное проявление какого-либо признака связано с функционированием двух или более генов. При наличии у каждой родительской особи одного и более доминантного гена у потомков могут сочетаться два и более доминантных гена, что будет усиливать проявление данного признака (положительная Т.); аналогичное сочетание рецессивных генов приводит к ослабленному выражению признаков (отрицательная Т.)" (БСЭ. 3-е изд. Т. 26. С. 147).

Если уж в экономический язык вторгаются термины других естественнонаучных дисциплин, то язык исследователей живой природы внедрять надо еще смелее. Если синергетический эффект (и в целом синергетический подход) больше связан с явлением эмерджентности, а носителем его служат невидимые, чаще всего специфические активы, то трансгрессивный эффект (и одноименный методологический подход) – дитя новейших процессов, протекающих в корпоративном сообществе в виде череды слияний и поглощений, а в пространственной экономике – в виде интеграционных действий, способствующих созданию сетевых регионов и их ядра – производственных кластеров.

Трансгрессивный подход объединяет сразу несколько подходов к слияниям и поглощениям: эволюционный, стоимостной, синергетический, экономический и интеграционный. Такой подход знаменует переход от достаточно абстрактных эффектов синергии к особому виду эффекта – трансгрессивному, рождающемуся при наложении ("наследовании") доминантных признаков – специфических активов интегрируемых бизнесов.

Если в исследовании корпоративных преобразований, в первую очередь на основе слияний и поглощений, возможности появления (и планирования) трансгрессивного эффекта более-менее проясняются, то в региональной промышленной политике (точнее, межрегиональной) способы учета этого нового фактора еще не ясны. По этому поводу можно лишь высказать ряд гипотез о латентных возможностях нового подхода. Попробуем высказать и пояснить эти гипотезы ниже.

В развитие всей институциональной теории С. Кирдина открыла нам глаза на роль институциональных матриц. Налево посмотреть: Y-матрица, направо – X-матрица. Если одна матрица доминирует, то в дополнение к соответствующим ей базовым институтам должны вводиться (в т.ч. государством) комплементарные, т.е. соответствующие другой матрице институты. А стремление к чистоте типа институциональной матрицы ведет к самоуничтожению [6]. Следовательно, все дело в комбинациях институтов. А если ввести в институциональный анализ объемно-пространственные параметры? Начало этому процессу положено введением О. Иншаковым и Д. Фроловым понятия "институциональное пространство" [4], которое "наполнено полями влияния и сферами интересов, "кругами доверия" и зонами отчуждения... Это гетерогенное и глубоко стратифицированное пространство, в котором возникают и распространяются взаимные ожидания, накапливаются и обостряются противоречия, происходит аккумуляция и трансмиссия социальных напряжений, не получающих адекватного разрешения... Исследование институционального пространства, его содержания, форм, траекто-

рии и темпов развития, структуры и границ, противоречий и характеристик постепенно становится все более актуальной научной проблемой экономической теории" [4, с.10].

Следует отметить, что именно в поле институционального пространства лежат и возможные способы получения трансгрессивного эффекта. Это можно увидеть при анализе такого противоречивого процесса, как развитие "региональных столиц". Дело в том, что сегодняшнее развитие экономики России определяется ростом сотни крупных городов, где концентрируются основные ресурсы и полюсы притяжения инвестиций и труда. При этом только 8 регионов России обладают выраженными конкурентными преимуществами (Москва, Московская область, Санкт-Петербург, Татарстан, Свердловская, Самарская, Челябинская и Ростовская области) [12, с. 10]. Региональные столицы как крупнейшие города концентрируют и ряд проблем: плохая экология; сочетание дорогого и ветхого жилья; транспортные затруднения; физическая ограниченность роста и др. Попытка решения одной из проблем ведет к ухудшению ситуации сразу по нескольким сопряженным проблемам: высотное строительство усиливает транспортную напряженность, требует развития инфраструктуры, что объективно приводит к росту цен на недвижимость, и т.д. Что уж говорить о структурной модернизации на инновационной основе, новой региональной промышленной политике, если практически все варианты регионального развития рассматриваются в одной плоскости: в рамках (или чуть расширенно) крупного города – "региональной столицы". Ситуация, при которой сверхконцентрация экономического и социального потенциала страны в таких "точках роста" ведет к лавинообразному росту городских проблем, рассматривается специалистами в качестве "явно неконструктивной в перспективе" [8, с. 46]. В. Лексин и В. Карачаровский пишут, что в ближайшие годы следует ждать усиления феномена "региональной столичности" и его ключевого воздействия на экономическую и социальную ситуацию в России. Опасность точечной урбанизации – роста экономики в пределах городской черты "региональных столиц" осознана в развитых странах, и там идут поиски новых схем пространственной организации. Созданная же в СССР "система городского расселения утратила экономический смысл сразу же после того, как на практике обнаружилась несовместимость советской экономики с рынком" ... [8, с. 34].

Изменившаяся в 1980-е годы пространственная организация производства и создание территориальных кластеров привели в развитых странах к появлению особой проекции сетей взаимодействия бизнес-структур на территорию – "сетевых регионов". "Именно наличие сетевых регионов начинало определять устойчивость национальной экономики и ее позиции на мировом рынке" [11, с. 38].

Что касается объемного измерения институционального развития, то легко представить третью координату (помимо первой: X или Y, и второй – пространство) – вертикаль, вектор глобализации, можно сказать, Z-матрицу, увязывающую экономическую систему с геоэкономикой, систему управления созданием сетевых регионов – проводников (переходников) в глобальный рынок.

Давно пора взглянуть на "региональную политику" не как на политику, зашоренную рамками привычных административных границ, а с точки зрения реализации совместного потенциала регионов и феномена трансгрессии, способствующих формированию будущих воспроизводственно-инновационных ядер глобализированной экономики. Справедливо звучат вопросы Лексина и Карачаровского: "Не окажется ли российское пространство одной из составных частей "люмпенизированной периферии", на фоне которой будет одиноко возвышаться "московский архипелаг"? Есть ли на российских просторах другие города, способные выдержать испытание глобализации?" [8].

Ответим на первый вопрос – "да", т.к. и сегодня на территории России есть лишь один "мировой город" - Москва, других не видно даже вооруженным глазом. Ответим на второй вопрос – "нет", в одиночку с такой задачей не справиться.

Уходят в отрыв не в одиночку, а "долинами", научными парками, конгломератами производственных кластеров. Поучителен опыт штата Северная Каролина (США) по созданию научного парка – "исследовательского треугольника", "триангла", расположенного между столицей штата Роли и двумя другими университетскими городами – Даремом и Чапен-Хиллом. Расстояние между ними – 60 – 70 км. Создан этот "триангл" в 1958 – 1989 гг. как результат целенаправленной политики местных властей по созданию территории наукоемкой промышленности [3, с. 209]. Земли, пригодные лишь для выращивания табака, к середине XX века оказались заброшенными и были скуплены для создания научного парка площадью свыше 2500 га. Особенностью развития парка стало помимо, открытия инновационных фирм и исследовательских лабораторий, привлечение крупнейших глобальных компаний с солидной деловой репутацией. Там разместили свои филиалы и научные центры "Монсанто", ИБМ, "Мицубиси", "Хьюлетт-Паккард", "Дженерал электрик", "Дюпон", "Сумимото" и др. Для расширения производства и размещения процессинговых подразделений эти компании приобрели земли прилегающих территорий (на территории научного парка разрешалось размещение только административных зданий и исследовательских подразделений).

Таким образом, не чрезвычайные условия войны или "плановой" экономики, а заинтересованность региональных властей в сочетании с благоприятным климатом, недорогой землей и притягательными условиями функционирования способствовали превращению солидной части бывшего табачного штата в один из мировых инновационных центров. Обратим внимание на то, что центр этот был сформирован не на базе мегаполиса или даже скромного города типа Роли, а на ровном месте, в часе езды от любого города этого "исследовательского треугольника". А три близлежащих университета, один из которых расположенный близ Дарема знаменитый Университет Дюка, названный в честь его главного спонсора начала XX века табачного монополиста Вашингтона Дюка, стали стабильными поставщиками кадров для исследовательских лабораторий, развиваясь в тесной связи с запросами фирм.

А что же у нас? Предложим с некоторым волнением проект с условным названием "Урал-сити". Речь идет не о синтезе двух субъектов РФ, а трансгрессивной интеграции двух наиболее близких уральских городов – "региональных столиц" – Екатеринбург и Челябинска. Конечно, это вам не "триангл" в штате Северная Каролина, но расстояние вполне сопоставимо: около 200 км, если считать от центров городов, от окраин же и тем более рекреационных поясов – на 100 – 130 км меньше. Будущий научный парк "Урал-сити", располагаемый по линии, связывающей Екатеринбург и Челябинск, на наш взгляд, обладает следующими достоинствами.

1. Включает в свою орбиту города (фактически – технополисы) высоких технологий Снежинск и Озерск.

2. Земли центра научного парка – по отношению к обеим "региональным столицам" периферийные, следовательно, наиболее дешевые, что в разы уменьшит стоимость строительства как жилья, так и коммерческой недвижимости.

3. Проект "вытягивает" сразу из двух мегаполисов избыточные трудовые ресурсы и инвестиции, снижая экологическую нагрузку в тесных, грязных и загазованных уральских городах.

4. Научный парк располагается в экологически чистом районе, богатом озерами и другими рекреационными возможностями, более благоприятным климатом (чем в Екатеринбурге, например), равным статусом "внутренних эмигрантов" для всех приезжающих в столь перспективную точку роста – будущий глобальный инновационный центр.

5. Проект обладает возможностями для саморазвития и вовлечения в свою орбиту таких районов и городов, как Новоуральск, Ревда, Первоуральск, Каменск-Уральский, Заречный, городов севера Челябинской области (по границе железнодорожных веток Каменск-Уральский – Челябинск и Дружинино – Бакал).

С позиций столь совсем не фантастического проекта следует пересмотреть как "стратегические планы" развития этих двух уральских мегаполисов, так и другие мегапроекты. Например, строительство Большого евразийского университета (БЕУ) вряд ли целесообразно вести в черте рекреационной зоны Екатеринбурга – на берегу единственного на весь мегаполис озера Шарташ. Самое подходящее место – на границе областей, в центре будущего научного парка.

При проектировании "Урал-сити" необходимо заложить новейшие достижения в строительстве зданий, дорог, инфраструктуры. Для удобного и дешевого транспортного обеспечения можно было бы, наконец, воплотить в жизнь идею струнной транспортной системы (СТС) Юницкого: вдоль трассы Екатеринбург – Челябинск с ответвлениями на запад и восток.

Эффект, который может быть получен в результате сложения сил двух регионов, – это и есть тот самый трансгрессивный эффект, только надо научиться им управлять. Реализация такого типа проекта – достойный ответ "региональной промышленной политики" глобальным вызовам.

Впрочем, в этом предложении главное – идея трансгрессивности, реальное место конструирования центра сетевого региона может быть результатом специальных исследований.

Выводы

1. Главное требование к современной промышленной политике – создание условий инновационного развития и механизмов стимулирования конкурентоспособности, в результате которых экономика России может попасть в число игроков глобального рынка. Интегратором промышленной политики становится экономическая активность регионов, которые из интегрированных регионов эпохи индустриализации должны трансформироваться в сетевые гибкие регионы, промышленной основой которых служат производственные кластеры. Создание сетевых регионов – путь нестандартных решений, поиска организационных форм, ориентированных на новые эффекты интеграционного свойства и соответствующие им проекты создания инновационных территорий.

2. Основной вывод из анализа теоретических обобщений мировой практики слияний и поглощений в корпоративном сообществе связан с формулированием основного мотива этих транзакций – получением синергетического эффекта в основном как результата совместного использования ресурсов и возможностей после интеграции бизнес-систем. В развитие синергетической концепции слияний и поглощений в статье предлагается трансгрессивный подход, объединяющий несколько других подходов и основанный на адаптации биологического принципа трансгрессии, т.е. усиленного проявления совпадающих доминантных признаков интегрируемых систем, позволяющий реализовать идею коэволюционного (диадного) развития применительно не только к преобразованиям в корпоративном сообществе, но и к межрегиональной интеграции.

3. Одной из базовых моделей институционального анализа и проектирования сетевых регионов может стать Z-матрица, увязывающая внутренние стратегии развития отечественного бизнеса (в рамках узко понимаемой промышленной политики) с требованиями глобального рынка. Z-матрица – это третье измерение, определяющее помимо типа общественного устройства и характера институционального пространства вектор и параметры вхождения этого пространства (сетевого региона) в глобальный рынок.

4. Проект создания прообраза сетевого региона в форме научного парка, интегрирующего инновационные возможности и латентные ресурсы нескольких технополисов, в т.ч. сразу двух "региональных столиц", может быть первым наброском формирования новой карты страны в виде глобализованных сетевых регионов как способа реализации новой промышленной политики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бригхем Ю., Гапенски Л. Финансовый менеджмент: Полный курс: В 2-х т. СПб.: Экономическая школа, 1997. Т.2. 669с.
2. Галпин Т. Дж., Хэндон М. Полное руководство по слияниям и поглощениям компаний. М.: Издат. дом "Вильямс", 2005. 240 с.
3. Инновационный менеджмент: Учебное пособие / Под. ред. В.М. Аньшина, А.А. Дагаева. М.: Дело, 2003. 528 с.
4. Иншаков О.В., Фролов Д.П. Институциональность пространства в концепции пространственной экономики // Пространственная экономика. 2007. № 1. С. 5 – 21.
5. Кемпбелл Э., Лачс К.С. Стратегический синергизм. 2-е изд. СПб.: Питер, 2004. 416 с.
6. Кирдина С.Г. "Блеск и нищета" политической экономии социализма // Журнал экономической теории. 2006. № 2. С. 33.
7. Княгинин В.Н., Щедровицкий П.Г. Промышленная политика России: кто оплатит издержки глобализации. М.: "Европа", 2005. 160 с.
8. Лексин В., Карачаровский В. Причины и последствия сверхконцентрации экономического и социального потенциалов России в ее крупнейших городах // Российский экономический журнал. 2007. № 1 – 2. С. 46.
9. Портер М. Экономическое развитие регионов // Пространственная политика. 2007. № 1. С. 109.
10. Рудык Н.Б., Семенкова Е.В. Рынок корпоративного контроля: слияния, жесткие поглощения и выкупы долговым финансированием. М.: Финансы и статистика, 2000. 456 с.
11. Скуфьина Т., Баранов С. Региональное развитие России в свете циклически-волновых представлений // Федерализм. 2007. № 1. С. 29 – 48.
12. Слияния и поглощения. 2007. № 1 – 2.
13. Ходжсон Дж. Экономическая теория и институты: Манифест современной институциональной экономической теории. М.: Дело, 2003. 464 с.
14. Хэй Ф., Моррис Д. Теория организации промышленности: В 2 т. СПб.: Экономическая школа, 1999. Т.2. 592 с.
15. Эггертссон Т. Экономическое поведение и институты. М.: Дело, 2001. 408 с.